

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

Читатель, знакомый с политической ситуацией в Израиле и Палестине, поймет, что два человека, стоящих за написанием этой книги, — Бассам Арамин и Рами Элханан — реально существуют. Под этим я понимаю то, что их истории (а также истории их дочерей — Абир Арамин и Смадар Элханан) были подробно изложены в кинематографе и печатных изданиях.

В центре этой книги вы найдете свидетельства обоих мужчин, записанные в ходе нескольких интервью в Иерусалиме, Нью-Йорке, Иерихоне и Бейт-Джале, — во всей остальной книге Бассам и Рами позволили мне преобразовать их слова и миры для художественных целей.

Несмотря на творческую независимость, смею надеяться, что ничего не отнял и не прибавил к тем событиям, которые они вместе пережили. Круги нашей жизни, как предполагал Рильке, расходятся все шире и шире, доходя до края Земли.

2016

1

Холмы Иерусалима заволокло плотным тумана. Рами двигался по прямой полосе по памяти, высчитывая секунды до следующего поворота, где дорога должна пойти на подъем.

Он низко склонился над рулем мотоцикла, в стеганой куртке и туго затянутом шлеме. Байк японский, 750 м³. Шустрый для человека шестидесяти семи лет.

Погода стояла плохая, но Рами, не щадя машину, налег на газ.

Возле садов, где туман рассеивался в черноту, он резко повернул вправо. *Corpus separatum*¹. Он сбавил передачу и пронесся мимо поста военных. Свет от натриевых ламп размывался в утренней заре. Стайка пролетающих птиц на мгновение затемнила падающий оранжевый свет.

У подножия холма дорога уходила на еще один исчезающий в тумане поворот. Рами перешел на вторую передачу, отпустил сцепление, плавно повернул и переключился обратно на третью. Шоссе № 1 пролегало над руинами деревни Галуна: всеобщей свалки истории.

Он прибавил газу на пике холма, перешел на первую полосу, проехал под указателями на Старый город и Гиват-Рам. Фонари усыпали дорогу огнями, словно пулеметной очередью.

Он наклонился влево и, лавируя между машинами, перешел на полосу с движением побыстрее — она вела к туннелям, разделительному барьеру, городу Бейт-Джала. Два ответа на один поворот: Гило с одной стороны, Вифлеем — с другой.

Здесь с географией связано все.

---

¹ *Corpus separatum* (лат.) — термин, которым обозначают регион с особым правовым или политическим статусом, но не являющийся при этом суверенным.

2

ЭТА ДОРОГА ВЕДЕТ К ЗОНЕ «А»,
НАХОДЯЩЕЙСЯ ПОД КОНТРОЛЕМ
ПАЛЕСТИНСКОЙ АВТОНОМИИ.
ПРОЕЗД ГРАЖДАНСКИМ ЛИЦАМ
ИЗРАИЛЯ ЗАПРЕЩЕН, ОПАСЕН ДЛЯ ЖИЗНИ
И НАРУШАЕТ ЗАКОН
ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ.

3

В небе Бейт-Джалы каждый год пролетает более пяти миллионов птиц. Они подчиняются своему древнему укладу: удоды, дрозды, мухоловки, пеночки, кукушки, скворцы, сорокопуты, турухтаны, каменки, зуйки, нектарницы, стрижи, воробьи, козодои, совы, чайки, ястребы, орлы, коршуны, журавли, канюки, бекасы, пеликаны, фламинго, аисты, чеканы, белоголовые сипы, сизоворонки, дроздовые тимелии, золотистые щурки, горлицы обыкновенные, серые славки, желтые трясогузки, черноголовые славки, краснозобые коньки, малые выпи.

Здесь находится второе по плотности миграционное шоссе перелетных птиц: по меньшей мере четыреста разных видов бороздят здешние небесные просторы, одни на одном уровне, другие на другом, одни — размашистым клином объявляют в небесах о своих планах, другие — одиноко скользят по траве.

Внизу пейзаж меняется каждый год: израильские поселения, палестинские многоквартирные дома, сады на крышах, бараки, перекрытия, объездные дороги.

Некоторые птицы мигрируют по ночам, чтобы не попасться в лапы хищникам, — их полет повторяет траекторию созвездий, они движутся по эллиптической кривой, подчиняясь дыханию ветра, поглощая собственные мышцы и внутренности. Другие передвигаются в дневное время за счет теплых потоков воздуха, которые раздувают их крылья и позволяют парить над землей.

Временами целые стаи птиц закрывают солнце, отбрасывая тени на город: поля, крутые террасы, оливковые рощи в окрестностях Бейт-Джалы.

Лягте на спину в винограднике Кремизанского монастыря и в любое время дня вы увидите над собой птиц, которые куда-то летят и о чем-то переговариваются.

Они приземляются на деревьях, телеграфных столбах, электропроводах, водонапорных башнях и даже на край Стены, где иногда становятся мишенью для юных метателей камней.

4

Для изготовления древней пращи использовался лоскут выделанной коровьей шкуры, размером не больше повязки на глаз. В нем по бокам протыкали небольшие дырочки и продевали кожаные жгуты. Пращу изобрели пастухи, чтобы отгонять хищных животных от разбредающих стад.

Мешочек с камнем пастух держал в левой руке, концы — в правой. Чтобы добиться хорошей меткости, требовались годы тренировок. Вложив камень в центр, пращник оттягивал концы жгутов, вращал снаряд широкими кругами над головой несколько раз и в нужный момент отпускал. Мешок раскрывался — камень вылетал. Некоторые пастухи могли попасть шакалу в глаз на расстоянии двухсот шагов.

Праща быстро заняла почетное место в военном искусстве: способность закидывать снаряды на крутые склоны и крепостные стены сделала ее незаменимой при осаде городов. Легионы пращников, способных стрелять на дальние расстояния, приходили в наемники. Они носили доспехи и возили снаряды вместе с собой на колесницах. Когда становилось невозможно ездить по земле — из-за канав, котлованов, рывтин, крутых откосов, разбросанных по дорогам валунов — они останавливались и спешивались с декорированной сумкой через плечо. В самых больших помещалось до двухсот небольших камней.

Обычно при подготовке к битве хотя бы один камень окрашивали в яркий цвет. Когда пращник шел на войну, то клал этот камень на дно сумки как талисман в надежде, что никогда его не возьмет.

5

По краям боевых действий детишки восьми, девяти, десяти лет записывались добровольцами на охоту на птиц. Они выжидали возле вади¹, прятались в кустах, стреляли с оборонительных стен. Сбивали камнями горлиц, куропатов, певчих птиц.

Некоторым захваченным в плен птицам удавалось выжить. Их сажали в деревянные клетки и выкалывали глаза, чтобы им всегда казалось, будто сейчас ночь: тогда в течение нескольких дней кряду птицы только и делали, что жадно поглощали зерно.

После того как они увеличивались в размерах раза в два, их запекали в глиняных печах и подавали на стол с хлебом, оливками и специями.

6

За шесть дней до смерти, которая пришла во время баснословной гастрономической оргии, французский президент Франсуа Миттеран заказал в качестве последнего в жизни блюда садовых овсянок — певчих птичек не крупнее большого пальца с желтыми перышками на шейке. Этот деликатес символизировал для него душу Франции.

Служащие Миттерана руководили отловом диких птиц в одной из южных деревень. Местной полиции заплатили, охоту организовали. Птиц поймали на окраине леса на рассвете особыми сетями из тончайших нитей. Садовых овсянок посадили в клетки и отвезли в грузовике с затемненными окнами в загородный дом Миттерана в Латше, куда его привозили на время летних каникул. Из кухни появился помощник шеф-повара и занес клетки в дом. Две недели птичек откармливали, пока они не поправились настолько, что могли лопнуть, после чего их за лапки подняли над чаном с арманьяком, окунули вниз головой и утопили заживо.

После этого шеф-повар их ощипал, посолил, поперчил, поджарил в течение семи минут в собственном соку и положил в предварительно подогретую белую кокотницу.

---

¹ Пересохшие русла рек (*араб.*).

Когда блюдо подали на стол, в облицованной деревом комнате, где сидела вся семья Миттерана — жена, дети, любовница, друзья, — воцарилась полная тишина. Хозяин выпрямился, скинул плед и сделал глоток из бутылки винтажного Шато О-Марбюзе.

— Вкус жизни — в самой жизни, — сказал Миттеран.

Он накрыл голову белой салфеткой, чтобы вдохнуть аромат приготовленной птицы и, как гласил обычай, спрятаться от глаз Божьих. Он взял певчих птичек и целиком засунул в рот: сочная мякоть, горькие внутренности, крылышки, сухожилия, печень, почка, теплое сердце, лапки, крошечный череп захрустели у него на зубах.

Трапеза заняла несколько минут, и все это время его лицо было спрятано под белой салфеткой. Семья слушала треск костей.

Миттеран промокнул губы салфеткой, отодвинул керамическую кастрюльку, поднял голову, улыбнулся, попрощался и пошел в кровать.

Следующие восемь с половиной дней он постился и на девятый — умер.

7

В Израиле перелетные птицы отслеживаются по всей стране — Эйлате, Иерусалиме, Латруне, — при помощи специального радара, который имеет каналы связи с военными базами и отделом управления воздушным движением в аэропорту Бен-Гурион.

Офисные помещения аэропорта Бен-Гурион оборудованы высокими технологиями и затемненными окнами. Укомплектованы компьютерами, радиоточками, телефонами. Команда экспертов, специализирующихся на авиации и математике, отслеживает параметры движения птиц: размер стаи, выбор траектории, форму полета, скорость, высоту, возможные модели поведения в различных погодных условиях, как изменится полет, если подует боковой ветер, сирокко, ураган. Операторы просчитывают алгоритмы и отправляют сигналы бедствия контролерам и коммерческим авиалиниям.

Другая линия связи поддерживает постоянное сообщение с Воздушными силами Израиля. *Скворцы на высоте 300 метров к северу*

от бухты Сектора Газы, 31,52583 с. ш. и 34,43056 в. д. Сорок две тысячи канадских журавлей на высоте около 200 метров со стороны южного побережья Красного моря, 20,2802 с. ш. и 38,5126 в. д. Неопознанная стая к востоку от Акко, вниманию береговой охраны, надвигается буря. Предполагаемая стая, канадские казарки, к востоку от Бен-Гуриона на два часа, точные координаты БОП. Пара пустынных филинов замечена на деревьях возле вертолетной площадки «В», к югу от Хеврона, 31,3200 с. ш. и 35,0542 в. д.

Самое активное время для орнитологов — осень и весна. Именно тогда мигрирует наибольшее количество птиц: иногда экраны слежения похожи на рисунки из тестов Роршаха. Орнитологи работают в паре с натуралистами, которые изучают птиц на земле, хотя самым опытным бывает достаточно только увидеть форму клина и высоту на радаре, чтобы угадать, что это за вид.

В военном училище летчиков-истребителей обучают схемам миграции птиц, чтобы не оказаться в так называемой «зоне бедствий» и не уходить в штопор. Здесь важно все: лужа возле взлетно-посадочной полосы может привлечь стаю скворцов; разлитая нефть — склеить перья хищной птицы и дезориентировать ее; пожар в лесу — сбить с курса стаю гусей.

Во время миграционного периода пилоты стараются долго не летать на высоте ниже одного километра.

8

Лебедь так же смертелен для пилота, как и реактивная граната.

9

Осенью, во время первой палестинской интифады, в паутиной сети на западном склоне Бейт-Джалы была найдена пара птиц, мигрирующих из Европы в Северную Африку. Их лапки сплелись одной нитью, крылья лихорадочно бились о сеть. Издалека могло показаться, что этот копошащийся комок перьев — одна птица необычной формы.

В таком состоянии их нашел четырнадцатилетний паренек по имени Тарек Халил, который сперва даже не подумал, что

эти птицы перелетные, до того они были маленькие — наверняка славки-черноголовки. Он наклонился ближе. Его поразило, как они верещат. Он распутал пташек, положил в два тканевых мешочка и понес на возвышенность, где располагалась орнитологическая станция, — чтобы опознать и окольцевать: размах крыльев, длина хвоста, вес, пол, процентное содержание жира.

Тарек впервые увидел таких созданий: с зеленой головкой, красивых, загадочных. Он полистал энциклопедии, поискал в базе. Отряд певчих птиц, вероятнее всего из Испании, Гибралтара или юга Франции. Он не знал, с какой стороны к ним подступиться. Прежде чем отпустить обратно на волю, он должен был плоскогубцами нацепить на лапки крохотное металлическое кольцо с номером, чтобы траектория их полета попала на миграционную карту.

Тарек приготовил кольца. Птицы так отошались, что весили не больше специй в одной столовой ложке. Металлические кольца, подумал он, могут нарушить баланс в полете.

Тарек на секунду задумался, положил их обратно в тканевые мешочки и отнес домой к своей семье в Бейт-Сахур. Он шагал в гору по крутым брусчатым улицам, укачивая птиц в мешочках. На кухне повесили клетки. На протяжении двух дней садовых овсянок откармливали и отпаивали две сестры Тарека. На третий мальчик отнес певчих птиц обратно на станцию, чтобы выпустить на волю в абрикосовом саду. Кольца надевать не стал.

Перед тем как улететь, одна из птиц задержалась на его ладони. Он пошевелил пальцами. Когти вонзились в мозоль. Тарек почувствовал, как маленькая шейка провернулась внутри его ладони. Птаха неуверенно встала на лапки и упорхнула.

Мальчик понимал, что обе птицы записаны не будут. Алюминиевые кольца с порядковыми номерами подросток забрал себе на память и повесил на шею на тонкой серебряной цепочке.

Два месяца спустя, когда Тарек спускался по улице Девы Марии вместе со старшими братьями, чтобы покидать камни, он чувствовал, как кольца подпрыгивают на груди.